

В условиях современной цифровизации и информатизации правовое регулирование виртуального пространства выступает одним из актуальных направлений деятельности как государства и практиков, так и научных деятелей. В данном направлении особое внимание уделяется институту цифровых прав. Цифровое пространство обладает рядом специфических признаков (таких как анонимность, масштабность, высокая степень (темп) изменений и возможность влияния на данный процесс любого субъекта), которые не позволяют реализовывать «классические правовые» модели регулирования данной сферы. Цифровые права в таких условиях рассматриваются не только как универсальное средство регламентации, но и механизм реализации прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве. Данное положение наглядно отражает европейский опыт регламентации цифрового пространства, который направлен не только на принятие и выделение исключительно цифровых прав, но и обеспечение реализации «классического» правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве. В российских реалиях сложилась несколько неоднозначная ситуация: в научных кругах доминирует положение «противников» выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли права, при этом законодатель интегрирует институт «цифровых прав» в гражданское законодательство в качестве совокупности электронных данных, которые удостоверяют права на объекты гражданских прав.

Ключевые слова: цифровизация и информатизация; цифровые права; виртуальное пространство; законодательное регулирование; зарубежный и отечественных опыт.

Татьяна Владиславовна Плотникова, канд. юрид. наук, доцент, кафедра специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия; plotnikova-tmb@mail.ru

Вадим Витальевич Харин, сотрудник Управления безопасности, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Россия; vadimka.va@mail.ru

ФЕНОМЕН «ЦИФРОВЫХ ПРАВ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Введение

В настоящее время человек и общество существуют и функционируют в условиях развития информационных и цифровых технологий. Новшества IT-сферы становятся нормой для ежедневного существования и взаимодействия. С каждым годом интеграция человека, общества и государства в виртуальный мир только усиливается: все большее количество аспектов традиционной жизнедеятельности перетекают в киберпростран-

ство (коммуникации, развлечение, работа, покупки и т.д.). Конечно, определенные внешние обстоятельства способствуют этому: в частности, условия пандемии и всеобщей изоляции (карантина), которые были вызваны распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 г., наглядно показали, что человек может активно существовать и развиваться в виртуальном пространстве.

Данное положение выступает новеллой и некоторым вызовом для правовой сферы. Киберпространство перерастает в новую реальность, однако правовая регламентация данной сферы только развивается. Все больший интерес вызывают «цифровые (виртуальные) права» человека, набор, положение, регламентация и признание которых выступают актуальным аспектом как для представителей научных кругов, так и для практических деятелей.

Особенности правового регламентирования виртуального пространства

Цифровые права – феномен юридической сферы. Данное понятие имеет прямую взаимосвязь с виртуальным пространством. Оно представляет собой базу взаимодействия и деятельности в киберреальности, которая устанавливает определенные правила поведения, нормы, возможные санкции за их нарушения и т.д.

Во многих научных работах можно встретить синонимическое представление понятий «цифровые права» и «интернет-права», так как в настоящее время цифровое пространство функционирования общества и государства представлено сетью Интернет. Естественно, что цифровое право в первую очередь рассматривается как некоторое средство регулирования Интернета.

Модель построения и функционирования виртуального пространства не позволяет регламентировать отношения в данной среде классическими, традиционными моделями правовой регламентации. В частности, это связано со сложностями функционирования и восприятия субъектов киберпространства – их невозможно контролировать с помощью правовых норм в классическом понимании, так как сама виртуальная среда предопределяет некоторую скрытность, анонимность существования. Идентифицировать субъект (его пол, возраст, личность) в таких условиях довольно сложно [11].

Высокий уровень анонимности в виртуальном пространстве взаимосвязан и с повышенным интересом криминальных и противоправных субъектов и структур к данной сфере. В настоящее время можно говорить о функционировании теневого, криминального сектора Интернета – Darknet (данное понятие можно рассматривать по аналогии с теневым рынком в экономической сфере). Реализация кибератак, мошенничества, экстремистская и террористическая деятельность, распространение запрещенных веществ и предметов, а также материалов – все это успешно функционирует и развивается в виртуальном пространстве. Данный аспект накладывает отпечаток на реализацию возможных моделей правового регулирования киберпространства: в частности, в рамках ограждения обще-

ства от негативных проявлений и влияний виртуальной среды некоторые государства вынуждены реализовывать сложное, закрытое правовое регулирование данной сферы (в качестве примера можно привести Китай с закрытым Интернетом).

Второй особенностью виртуального пространства выступает масштабность. Данная сфера выходит далеко за рамки определенного государства (сеть Интернет имеет значение «всемирной паутины»). В связи с этим правовое регулирование киберпространства также выходит далеко за рамки традиционного национального законодательства. В данном направлении необходимо отметить важность международно-правового взаимодействия: так, международные нормы способны если не урегулировать взаимодействия в виртуальном пространстве во всем его объеме и многоаспектных проявлениях, то дать фундаментальные основы (основные идеи и принципы) правового положения личности, общества и государства в киберпространстве, на основе которых в дальнейшем возможно будет создать полноценное национальное законодательство.

Следующей особенностью виртуального пространства выступает высокая степень (темп) изменений и возможность влияния на данный процесс любого субъекта виртуального пространства посредством использования кодов (языков программирования). В отличие от реального (физического) мира изменения в киберпространстве зарождаются и реализуются молниеносно. Более того их направление и концепцию определяет не государство посредством политики, документов стратегического планирования и т.д., а обычные пользователи. Неоднократно как зарубежом, так и в России поднимаются идеи свободного Интернета (концепция, связанная с отсутствием правовой регламентации со стороны государства), так как правовое регулирование данного феномена выходит далеко за рамки классического понимания правового надзора со стороны государственных органов и должностных лиц. Подробно анализируя современные взаимоотношения в сети Интернет, можно отметить, что их регламентация формируется стихийно на основе некоторых традиций, обычаев, совокупности технических и социальных норм. В частности, администраторы сайтов и форумов создают и реализуют свои правила поведения и общения на конкретном интернет-ресурсе, за нарушение которых следуют и специфические санкции (например, блокировка, запрет доступа на определенное время и т.д.). С одной стороны, такая совокупность способов и методов регулирования поведения человека способствует достижению определенного уровня регламентации виртуального пространства. С другой стороны, такая хаотичность затрудняет выработку стандартного набора прав и обязанностей киберпространства, а также дает возможность субъектам виртуального пространства диктовать свои условия и правила, которые зачастую соотносятся с достижением личных интересов и целей таких субъектов [5, с. 16].

Зарубежный опыт развития цифровых прав

Рассматривая реализацию цифровых прав на основе европейского опыта, можно заметить, что основой, фундаментом европейского представления об институте цифровых прав выступают права на доступ

в Интернет. Данное благо имеет большое значение для европейских стран, так как современные тенденции массовой цифровизации и информатизации порождают необходимость иметь доступ в виртуальное пространство, обеспечение которого и рассматривается одним из ключевых направлений деятельности государства по реализации цифрового права.

Цифровые права – это права человека (непосредственно юридические права), которые позволяют физическим лицам реализовывать доступ и коммуникации в сети Интернет с помощью компьютеров или других электронных (технических) устройств. Помимо этого, концепция цифровых прав взаимосвязана обеспечением защиты личности и реализации других прав (таких как неприкосновенность, свобода слова, мнения, свобода выбора) в рамках виртуального пространства.

Отдельные эксперты и издания (например, журнал *La Civiltà Cattolica*) относят к цифровым правам (интернет-правам) большой объем классических прав и свобод человека и гражданина, такие как [10]:

- свобода выражения;
- конфиденциальность;
- свобода объединений;
- право на образование;
- права потребителей;
- право на самоопределение;
- права на культурное разнообразие и т.д.

Данный объем прав в европейском понимании относят к цифровым, так как они тем или иным образом имеют отношение (возможность реализации) к сети Интернет. С данной точки зрения можно наблюдать расширение действия классических прав, которые имеют возможность и реализуются, в том числе и в виртуальном пространстве. Назвать данный объем прав и свобод исключительно цифровыми не позволяет логика построения действующего законодательства и возможность их реализации за гранью киберпространства (причем в реальной жизни данные права реализуются намного чаще). Они скорее имеют основополагающий, расширенный характер реализации, образуя группу необходимого набора прав и свобод человека и гражданина, который является достаточным как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

А вот право на доступ в Интернет по своей сущности выступает исключительно цифровым. В отдельных государствах данное право зафиксировано в национальном законодательстве. Так, во Франции в 2009 году решением Конституционного совета право на доступ в Интернет было признано одним из основополагающих прав человека. В последующем было актуализировано законодательство, которое запретило ограничивать доступ к сети Интернет без судебного решения (правоохранительные органы утратили возможность самостоятельно перекрывать доступ к сети тем, кто продолжал скачивать незаконные материалы после предупреждений). В Греции право на доступ в Интернет регламентировано Конституцией (ст. 5А), которая гарантирует участие всего населения в информационном обществе (цифровая сфера рассматривается как составная часть информационного общества). В Испании правительство обязуется обеспе-

чить доступ в Интернет каждому гражданину государства по разумной цене [10].

Важность цифрового пространства и прав в данной сфере была отмечена на международной арене еще в 2001 году – принята Хартия прав Ассоциацией прогрессивных коммуникаций (АПК) в Интернете. Хартия не содержит чисто цифровые права, а направлена на реализацию положений Всеобщей декларации прав человека с учетом специфики киберпространства. Данный документ ретранслирует важность обеспечения следующих прав в виртуальном пространстве [10]:

- доступ в Интернет для всех;
- свобода слова и ассоциация;
- доступ к знаниям, совместное обучение и творчество – бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом и разработка технологий;
- конфиденциальность;
- наблюдение и шифрование;
- управление Интернетом;
- осведомленность, защита и реализация прав.

Таким образом, европейски опыт показывает не только направленность на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав (ярким примером здесь выступает право на доступ в Интернет), но и обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

Отечественный опыт развития цифровых прав

Оценивая современное положение российского законодательства, можно отметить, что цифровые права не только как самостоятельная отрасль, но даже легальная трактовка данного понятия как совокупности прав и обязанностей в сети Интернет в российском законодательстве отсутствует. В стратегических документах можно встретить понятие «цифровая экономика» (Стратегия развития информационного общества [3]), которая по своей природе связана с использованием цифровых технологий и реализацией в виртуальном пространстве, то есть в довольно тесной взаимосвязи она находится с реализацией цифровых прав.

Законодатель в 2019 году ввел в российское законодательство институт цифрового права. Однако смысловая нагрузка данного института и понятия не имеет никакого отношения к идеям правового положения человека и личности в виртуальном пространстве и к формирующейся в международном праве концепции цифровых прав [6, с. 49].

Необходимость введения понятия «цифровые права» в российское гражданское право изначально объяснялась стремлением найти более соответствующий отечественным правовым традициям термин. В частности, в пояснительной записке к законопроекту № 424632-7, ставшему впоследствии Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], которым в ГК РФ [1] и были введены цифровые права, специально подчеркивалось: «Проект вводит

в гражданское законодательство базовое понятие “цифровые права” (вместо термина “токен”, который изначально обозначает устройство для идентификации, а сейчас стал использоваться в IT-лексиконе для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности, предлагается отвечающее традициям российского права понятие “цифровое право”» [4]. Сущность цифровых прав как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 новой статьи 141.1 ГК РФ). Разумеется, цифровые права могут удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права [7, с. 10].

В научных кругах не то что понимание, а дифференциация цифровых прав в отдельную отрасль представляет собой спорный и неоднозначный вопрос. Наиболее популярна и распространена в настоящее время точка зрения противников самостоятельности цифровых прав. Приводя в пример доводы данного положения, обозначаются наиболее проблемные и актуальные вопросы [8, с. 6]:

– для выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли необходимо наличие специальных (самостоятельных) предмета и метода правового регулирования, которые у цифровых прав отсутствуют. Данная отрасль реализуется в специфической виртуальной сфере – цифровой реальности, но при этом выделять какие-либо специальные (отличительные) методы регулирования в данной сфере не приходится;

– цифровые права объединяет большое количество уже существующих норм из разных отраслей сложившейся российской правовой системы. Такая большая «распыленность» по другим отраслям также препятствует выделению цифровых прав в отдельную отрасль.

При этом цифровые права (интернет-права) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуются рядом особенностей [5, с. 16]:

– отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;

– цифровые права объединяют предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.);

– цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер.

Заключение

Необходимость регламентации киберпространства и как следствие принятие и реализация цифровых прав predeterminedены современными условиям и активной цифровизацией и информатизацией. Как было выявлено, цифровые права в настоящее время выступают актуальными и не подчиняются классическим законам правового регулирования. Основное предназначение данной зарождающейся отрасли – это регламентация поведения в виртуальном (цифровом) пространстве.

Постепенно как в международном правовом пространстве, так и в национальном законодательстве реализуются попытки урегулирования виртуального пространства. Зарубежный опыт отражает направленность не только на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав, но и обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

В российских реалиях сформировалась неоднозначная и прагматичная ситуация: с одной стороны, в научных кругах доминирует положение противников выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли права, при этом законодатель интегрирует институт цифровых прав в гражданское законодательство как совокупность электронных данных, которые удостоверяют права на объекты гражданских прав. Данное положение осложняет и без того непростое отношение к пониманию и реализации цифровых прав в нашем государстве.

Список литературы

1. **Гражданский кодекс** Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. **О внесении** изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

3. **О Стратегии** развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 29.06.2021).

4. **Заключение** Правового управления, подготовленное к рассмотрению законопроекта в первом чтении (по поручению Совета Государственной Думы (протокол от 09.04.2018 № 111, пункт 66) [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Системы обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (дата обращения: 29.06.2021).

5. **Васильев А.** Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15 – 18.

6. **Ибрагимова Ю. Э.** Устранение пробелов гражданского законодательства путем внедрения категории «цифрового права» // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 49 – 53.

7. **Рожкова М. А.** Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3 – 12.

8. **Рожкова М. А.** Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 5 – 11.

9. **Рожкова М. А.** Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovy_e_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (дата обращения: 29.06.2021).

10. **Цифровые права** [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikichi.ru». URL: https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (дата обращения: 29.06.2021).

11. **Цифровые права** [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikipedia.org». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровые_права (дата обращения: 29.06.2021).

References

1. [The Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of November 30, 1994 No. 51-FZ], *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
2. [On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of March 18, 2019 No. 34-FZ], *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2019, no. 12, art. 1224. (In Russ.)
3. **available at:** <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (accessed 29 June 2021).
4. **available at:** <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (accessed 29 June 2021).
5. **Vasil'yev A.** [The term "digital law" in the doctrine and legal texts], *Yurisl'ingvistika* [Jurislinguistics], 2019, no. 11, pp. 15-18. (In Russ.)
6. **Ibragimova Yu.E.** [Eliminating gaps in civil law by introducing the category of "digital law"], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2019, no. 5, pp. 49-53. (In Russ.)
7. **Rozhkova M.A.** [Digital rights: public law concept and concept in Russian civil law], *Khozyaystvo i pravo* [Economy and law], 2020, no. 10, pp. 3-12. (In Russ.)
8. **Rozhkova M.A.** [Is digital law a branch of law and whether to expect the emergence of a digital code], *Khozyaystvo i pravo* [Economy and law], 2020, no. 4, pp. 5-11. (In Russ.)
9. **Rozhkova M.A.** [Digital rights (digital rights) - what is it and are they needed in the Civil Code], *Zakon.ru*, 2020. **available at:** https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights_chno_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kod_ekse (accessed 29 June 2021).
10. **available at:** https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (accessed 29 June 2021).
11. **available at:** https://ru.wikipedia.org/wiki/Tsifrovyye_prava (accessed 29 June 2021).

The Phenomenon of “Digital Rights” in the Context of Legal Regulation of Virtual Space

T. V. Plotnikova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Special Training and Support,
National Security, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
plotnikova-tmb@mail.ru

V. V. Kharin, *Officer of the Security Department,*
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
vadimka.va@mail.ru

In conditions of modern digitalization and informatization, the legal regulation of virtual space is one of the topical areas of activity for the state and practitioners, as well as researchers. In this direction, special attention is paid to the institution of digital rights. The digital space has a number of specific features (such as anonymity, scale, a high degree (rate) of changes and the possibility of influencing this process by any subject), which do not allow the implementation of “classical legal” models of regulation of this sphere. Digital rights in such conditions are considered not only as a universal means of regulation, but also as a mechanism for realizing the rights and freedoms of man and citizen in cyberspace. This

provision clearly reflects the European experience of regulating the digital space, which is aimed not only at the adoption and allocation of exclusively digital rights, but also to ensure the implementation of the “classical” legal status of a person and citizen in the virtual space. In Russian realities, a somewhat ambiguous situation has developed: on the one hand, the scientific community is dominated by the position of “opponents” of the allocation of digital rights as an independent branch of law, while the legislator integrates the institution of “digital rights” into civil law as a set of electronic data that certify the rights to objects of civil rights.

Keywords: digitalization and informatization; digital rights; virtual space; legislative regulation; foreign and domestic experience.

© Т. В. Плотникова, 2022

© В. В. Харин, 2022

Статья поступила в редакцию 29.06.2022

При цитировании использовать:

Плотникова Т. В., Харин В. В. Феномен «цифровых прав» в контексте правового регулирования виртуального пространства // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 3. С. 392 – 400. doi: 10.17277/pravo.2022.03.pp.392-400